

РЕЛИГИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Примерно 75—35 тысяч лет назад в Евразии происходят знаменательные события — некоторое потепление климата III межледникового периода сменяется новым и очень суровым оледенением. Именуемое Вюрмским, это последнее, четвертое по счету, как ныне полагает большинство специалистов, оледенение, превратило всю северную часть Евразии в непригодный для человеческого существования ледник. Лед полностью покрыл Скандинавию, затопил Балтийское море и даже распространился более чем на сто километров к югу от него. Льдом была затоплена и вся Северная Россия. Ландшафты Франции, Средней Германии, берегов Дуная и Днепра превратились в тундру.

Это новое оледенение совпало с исчезновением неандертальца. Находки его останков становятся редкими в конце мустье, а около 35 тысяч лет назад и вовсе исчезают. Отныне в Евразии безраздельно господствовал *Homo sapiens*. Что произошло с неандертальцем, вымер ли он, смешался ли с современным человеком — на этот счет делаются только предположения.

Человека верхнего палеолита, анатомически совершенно сходного с нами, обычно именуют кроманьонцем по первой научно описанной находке его останков близ деревни Лез-Эйзи (Дордонь, Франция) в гроте Кро Маньон в 1886 году. Материальная культура кроманьонцев существенно более развита, чем культура среднего палеолита, каменные орудия намного разнообразней, лучше отделанны и отшлифованы. Кроме камня кроманьонцы широко использовали кость и, разумеется, дерево, для своих потребностей. Не вовсе пренебрегая пещерами, кроманьонцы научились строить жилища, видимо неплохо защищавшие их от суровых зимних холодов. Мы находим остатки землянок и следы обширных жилищ шатрового типа, которые делались, скорее всего, из сшитых шкур животных.

Кроманьонцы оставались преимущественно охотниками. Природные условия Вюрма делали собирательство надежным источником пищи только в южной, средиземноморской, зоне их про-

живания. Мнение, что кроманьонцы сумели одомашнить северного оленя, высказываемое рядом ученых, не подтверждается фактами. Но в охоте кроманьонцы достигли очень высокого мастерства, безусловно превзойдя и такого знатока охотничьего дела, каким был неандерталец. Именно кроманьонцу скорее всего принадлежит честь изобретения лука и стрел, гарпунов и острог для битва рыбы. Он бесстрашно охотился на таких огромных животных как мамонт, шерстистый носорог, пещерный и бурый медведь, пещерный лев, зубр и тур, используя многочисленные приемы и хитрости. Что же касается более мелких копытных, грызунов, птиц и рыб, то они составляли повседневное меню древнего охотника.

Но, пожалуй, главное отличие кроманьонца от более древних людей состоит в том, что он стал рисовать и ваять. Художества неандертальца крайне редки, примитивны и почти всегда сомнительны по своей атрибуции, искусство же кроманьонца, открытое в конце XIX века, известно ныне многими десятками целых живописных собраний и потрясает своим совершенством, художественной и эстетической проработанностью. В нем, в лучших его образцах, мы сталкиваемся не с наивным примитивом, не с робким освоением техники, но с твердой рукой и точным глазом гениального художника, создавшего шедевры предельного уровня совершенства. Испанская Альтамира, французские Ляско и Нио без каких-либо оговорок встают в один ряд с залами Уффици и Прадо. Но искусство кроманьонца существенно для нас не только своим эстетическим содержанием, но и тем, что оно рассекает первое окно в мир наших предков. В изящных искусствах человек может выразить себя во много раз полнее, чем в погребениях и каменных орудиях. От живописи франко-кантабрийских пещер остается только один шаг до предельного уровня совершенства в передаче знания о себе потомкам, достигнутого запечатленным в письме словом.

По особенностям памятников материальной культуры верхний палеолит обычно подразделяют на следующие временные периоды, наименованные по местам классических для этого периода находок:

65—35 тысяч лет до Р.Х.	Поздний Мустье
35—25 тысяч лет до Р.Х.	Ориньяк (Граветта)
25—20 тысяч лет до Р.Х.	Солютр
20—10 тысяч лет до Р.Х.	Мадлен

Большая часть памятников верхнего палеолита имеет безусловно религиозный характер. Описание и систематизация их требуют времени, которого у нас нет, но мы не должны забывать, что, по

верному замечанию современного американского философа Хьюстона Смита «Религия в первую очередь не собрание фактов, но собрание смыслов. Можно бесконечно перечислять богов, обычаи и верования, но если это занятие не дает нам возможность увидеть, как с их помощью люди преодолевали одиночество, горе и смерть, то сколь бы безукоризненно точно это перечисление не было сделано, оно не имеет к религии ни малейшего отношения». Попробуем же за фактами верхнепалеолитических находок увидеть их значение в духовных исканиях кроманьонца.

ПОГРЕБЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Труположение и бесспорно религиозное погребение характерно уже для неандертальца, но в течение всего верхнего палеолита сложность связанного с захоронением обряда, а следовательно, и затрата сил и средств на погребение все время возрастают. Умерших, как правило, хоронят в богатых одеждах (от них остались нашитые на истлевшие кожи раковины), снабжают оружием и утварью, пищей и предметами неясного, но очевидно религиозного назначения.

Мы не можем предполагать, что верхнепалеолитические охотники были очень богаты и располагали необъятным досугом, скорее напротив, их жизнь протекала в напряженной борьбе за выживание в условиях сурового климата и массы всевозможных опасностей. Но на погребение своих близких они не жалели сил. Распределение усилий по сферам деятельности лучше всего говорит о склонностях и стремлениях человека. Стремления и склонности кроманьонца в очень большой степени определялись жаждой преодоления смерти, надеждой на обретение новой жизни.

Классическим можно считать ориньякское захоронение, найденное в конце прошлого века в Брно (Моравия). Высокий и ладно сложенный мужчина лет 40—50 был положен в сравнительно глубокую (ок. 120 см) специально ископанную могилу, дно которой заранее обильно посыпали охрой. Поскольку у головы покойного палеоантропологи нашли около шестисот раковин трубчатого моллюска *Dentalium badense*, то можно предположить роскошную шапку или головную повязку. В могилу были также положены маленькая мужская фигурка из слоновой (мамонта) кости, два каменных кольца и множество дисков из камня, кости и мамон-

¹ H. Smith. The Religion of Man, N.Y., 1958. P. 11.

«Копьеметалка», украшенная фигуркой глухаря
(музей Сен-Жермен, Франция).

Сравнительно часто в верхнепалеолитических погребениях находят странный предмет — тщательно выделанный и нередко богато орнаментированный каменный жезл с овальным или круглым отверстием с одного из концов. Как его только не величали археологи — жезл вождя, выпрямитель копий, копьеметалка и т.п. Но нахождение этих предметов в могилах намекает на их религиозное предназначение. Мадленская «копьеметалка» из Мас д'Азиль (Франция, департамент Арьеж) лучше иных выражает символику нового рождения. Птица — видимо, душа умершего, устремляющаяся к новому рождению из утробы земли (отверстие в основании жезла связано, должно быть, с вульварной символикой). Можно предположить, что такие жезлы клали в могилы тех людей, которые совершали священнодействия, соединяя миры и помогая умершим соплеменникам в достижении Неба

товой кости. Сверху тело опять посыпали охрой, накрыли лопатками мамонта и только после этого предали земле.

Охра очень часто, почти повсеместно используется кроманьонцем как в заупокойном ритуале, так и при иных религиозных обрядах. Она символизирует кровь, жизнь и, говоря словами Э.О. Джеймса, «выражает намерение оживить умерших через соединение с веществом, имеющим цвет крови». Не исключено, что именно этот обычай положил начало устойчивой ассоциации «того света» с цветом кропи во многих религиозных традициях. Мужская фигурка, надо сказать уникальная для верхнепалеолитических захоронений, возможно изображала самого умершего и должна была, как это будет принято через двадцать тысяч лет в Древнем Египте, стать и той моделью, по которой восстановится плоть покойного после воскресения, и одновременно вместилищем его духа до воскресения.

Каменные кольца довольно часто встречаются в погребениях этого времени. Может быть они символизировали женские креативные органы самой Матери-Земли, из чрева которой должен родиться умерший. Множество каменных дисков кажутся какими-то погребальными приношениями близких. Не являются ли они символами солнца, ежедневно побеждающего смерть, а может быть и знаком того Высшего Существа, которое так часто именуется Солнцем в более поздних традициях. Наконец, лопатки мамонта и его положенные рядом с умершим бивни почти наверняка должны были символизировать присутствие божественного покро-

ва над человеком и свидетельствуют не просто об уповании воскресения, но о надежде на воскресение в лучшем чем этот, в божественном мире.

Та тщательность, с которой осуществлено это захоронение, безусловно свидетельствует нам о том, что жившие 25—30 тысяч лет назад в Моравии люди верили в посмертное существование человека, скорее всего надеялись на телесное воскресение и для осуществления своих чаяний охотно шли на большие жертвы.

Подобных этому брюнскому захоронений найдено немало. Так хоронили и женщин, и детей, и даже новорожденных. Иногда тело умершего клали на горящий костер и лишь после того, как огонь прогорал, предавали земле. Обычай этот наверняка уподоблял человеческое тело иным огненным жертвоприношениям, которые должны, поднимаясь в огне, родиться вновь в небесном, божественном мире.

Обилие трубчатых и двустворчатых раковин моллюсков (даже теплолюбивых каури) во многих кроманьонских погребениях позволяет предположить, что это не просто украшение одежды покойного. Для повседневной жизни того времени такая обшитая хрупкими раковинами «кожаная риза» крайне неудобна. Видимо, мы имеем дело со специально сшитым заупокойным облачением. Тогда обилие раковин определенной формы становится понятным. Они обозначали мужские и женские креативные органы (раковины каури до сих пор сохранили такое символическое значение) и, следовательно, воскресение, новое зачатие и рождение — *воз-рожде-ние*, в буквальном смысле этого слова. Например, в кроманьонском погребении в Ложери-Басс (Франция) раковины каури лежали парами у лба, рук и ног и по четыре у локтей и колен умершего, что почти наверняка должно было означать возрождение из лон земли этих членов, а в конечном счете — всего тела.

Но не все погребения имеют такой торжественно спокойный характер. В полной противоположности к ним оказываются находки связанных после смерти тел, иногда лишенных каких-либо заупокойных даров; людей, похороненных лицом вниз под грудой тяжелых камней; расчлененных трупов. Видимо, в отношении некоторых из своих умерших погребавшие их люди имели опасения, что мертвый может, выйдя из могилы, вредить живым. Чаще такого рода захоронения принадлежали женщинам. Так, характерна находка в Вестоницах (Моравия) крепко связанного тела 35—40-летней женщины.

Одним из объяснений этих необычных захоронений может считаться ритуальная нечистота умерших. Для женщин — это, возможно, смерть в родах. Соплеменники боялись, должно быть, не самого умершего, но того, что в его «нечистое» тело может войти

какой-нибудь злой дух и побудить тело прервать свой сон, не дожидаясь всеобщего воскресения.

На другую, быть может слишком смелую, интерпретацию, наводят древнейшие заупокойные тексты человечества, начертанные в долине Нила, в Египте в III тысячелетии до Р.Х. В 23-м речении «Текстов ковчегов» [СТ. 23], о которых нам еще придется подробно говорить на лекциях, посвященных религии Древнего Египта, провозглашается в отношении умершего:

«О (имярек)! Тебя не будут подвергать испытанию, тебя не заключат в узилище, тебя не будут ограничивать, тебя не будут связывать по рукам и ногам, тебя не будут брать под стражу, не будешь отведен ты в место страданий, куда отводят мятежников (т.е. нарушителей божественных установлений) и песок не будет сыпаться на твое лицо (то есть тело не будет брошено в яму в пустыне без надлежащих погребальных облачений и плата, покрывающего лицо, как объясняет это место переводчик «Текстов саркофагов» на английский язык Р.О. Фолкнер). Будь внимателен, будь осторожен и никто не воспротивится тебе. Остерегайся пойти в путь неготовым. Приими посох твой и суму твою, облачения твои, сандали и стрелы, отправляясь в путь, которым будешь шествовать ты. Дабы мог ты отрубить головы и рассечь шеи врагам твоим, мужчинам и женщинам, которые окажутся близ тебя умершего. «Поспешай и приходи!» — таковы слова Бога, который приводит его (умершего) в день обвинения».

В другой надписи, даже чуть более древней чем первая, от лица правителя объявляется каким-то законопреступникам: «Воистину мое величество запретит им, дабы не были они во главе воскресших блаженных в мире божественном, но дабы пребывали они связанными и скованными, ибо осуждены они Владыкой Осирисом (царем умерших)» [Urk. I. 305, 17—18].

Мы видим, что через 20—25 тысяч лет после брюнского и вестонического захоронений, бросали в яму без облачений, без правильного погребения, без «посоха и стрел», со связанными руками и ногами не из-за страха, что умерший встанет, но желая изобразить, как с законопреступником поступят на загробном суде. Тело грешника становилось своеобразной иконой мучений и гибели его души в инобытии, и, одновременно, поскольку образ и первообраз, тело и личность до конца, скорее всего, не разделялись по представлениям древних, должно было усиливать страдания души, лишенной божественного блаженства и воскресения.

Так ли думали ориньякские охотники на мамонтов как их далекие потомки в долине Нила, или они руководствовались иными мотивами, торжественно погребая одних из умерших и «казня» тела

других, но ясно одно — «Люди последней ледниковой эпохи хоронили своих мертвецов в безусловной уверенности их будущей телесной жизни. Они, кажется, также считали, что в телах умерших продолжает длиться какая-то жизнь»¹.

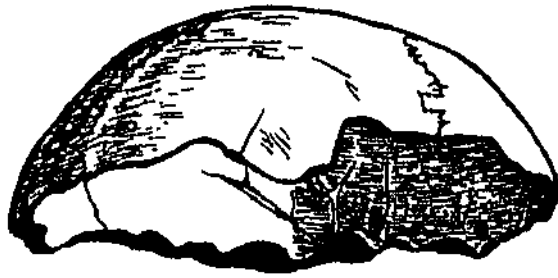
Если бы кроманьонские охотники не были убеждены в воскресении своих умерших, они наверняка не стали бы придавать такого значения заупокойному ритуалу и сохранению их физических останков. Но простой опыт безусловно свидетельствовал им, что такое воскресение не наступает вскоре — кости предков продолжали истлевать в земле несмотря на охру, бивни мамонтов и ракушки каури. И то, что это не обескураживало древних охотников, не возвращало в них безверие, заставляет предполагать, что кроманьонцы ожидали победы над смертью не вскоре, но в далеком будущем, когда все их ритуальные усилия принесут бесценный плод полносоставного телесного воскресения, или, если смотреть иначе, то символическое воскресение, обретет чаемую безусловность реальности.

ДУШИ УМЕРШИХ

Но ожидание воскресения умерших отнюдь не означало для кроманьонца их полного исчезновения из жизни живых до наступления этого чаемого мига. Хотя кости покойников лежали в могилах, их души и силы оставались частью племени и принимали какое-то участие в жизни. О том, что так думали верхнепалеолитические охотники, мы можем догадываться по некоторым странным, на первый взгляд, находкам.

В Ля Рош (Дордонь) в мадленском слое был найден овальный предмет из рога северного оленя около 16 см длиной. На нем ясно виден геометрический орнамент с доминирующей трехчастной символикой (см. рис.), а на одном из концов просверлено отверстие. Его истертый край убеждает в том, что предмет носили на каком-то шнурке. Очень похожие предметы с геометрическим орнаментом, только сделанные из дерева, до сих пор употребляют австралийцы. Они именуются ревунами и используются для общения с умершими предками. Когда по ревуны проводят специальными предметами (гребнем, шкурой тотемного животного) он издает звуки, в которых аборигены слышат голоса предков. На ревуны из Ля Рош сохранились следы охры, что безусловно указывает на связь предмета с заупокойным ритуалом и потусторонним миром.

¹ J. Maringer. The Gods of Prehistoric Man... P. 50.

Чаша из человеческого черепа
(Грот де Плакар, Франция)

«Реаун» из Ла Рош
(музей Сен-Жермен, Франция)

«Реун — чуринга» современных австралийцев

Мы не знаем, знакомы ли были кроманьонцы с начатками счета, но трехчастная символика лярошского реуна вряд ли случайна. Число «три» практически во всех религиозных традициях имеет особое, священное значение, ассоциируясь обычно с жизнью, явлением Абсолюта в акте творения (преодоление одиночной замкнутости и двойственности), продолжением рода — от союза мужчины (единица) с женщиной (двоица) рождается ребенок (триада). Трехчастность свидетельствует о том, что кроманьонцы воспринимали род не только устремленным в будущее, но и выходящим из глубин прошлого. Они сознавали его единство и верили, что смерть, осложняя, тем не менее не прекращает полностью общения с родоначальниками, которые живы и ждут часа своего воскресения.

Эта вера запечатлелась и в еще одном обычае, безусловно распространенном среди кроманьонцев. Хотя большей частью люди

верхнего палеолита хоронили своих умерших, иногда они, как и в предшествующие эпохи, хранили черепа в жилищах живых или в специальных святилищах. Почему к разным умершим применяли различные ритуальные практики мы не знаем. В «гроте Мужчин» близ Арси сюр Кюр (Йонна, Франция) черепа аккуратно поставили на отдельно стоящий камень.

Но в Гротт до Плакар ученые встретились и с иным обычаем. Были найдены верхи черепных коробок с явными следами, что головы их обладателей были отсечены от тел, а мягкие ткани счищены каменным орудием, после чего нижняя часть черепа была отсечена от верхней. Из черепной коробки сделали чашу для питья.

Всегда думавшие скептически о нравственных достоинствах доисторического человека археологи тут же предположили банальное людоедство, да еще соединенное с жуткой практичностью в использовании останков жертвы. Более тщательное исследование заставило отказаться от этой версии происхождения чаш. Все четыре черепа — чаши из Гротт до Плакар были найдены в слое солютр и одном месте — в глубине пещеры в конце небольшого коридора, рядом аккуратно были положены две длинные кости, также принадлежавшие человеку. В одной из чаш еще сохранилась охра, которой она когда-то была наполнена. «Безусловно, эта часть пещеры использовалась в качестве святилища. Люди солютра, а затем и мадленцы исполняли здесь какой-то культ, связанный с черепом, и ритуал включил подношение охры»¹ — указывает Марингер,

Ныне такие чаши из черепов известны многими находками от Испании (Кастилло) до Моравии (Нижние Вестоницы). Чтобы их понять нам придется все же прибегнуть к аналогиям из современной этнографии и из истории. Путешествовавший по Южной Австралии в XIX веке Джордж Френч Ангас пишет о десятилетней девочке, повсюду носившей часть черепа своей матери и пившей из него, чтобы сохранить общение с умершей. В Бенгалии Джеймс Роннел видел прекрасно отлакированные чаши из черепов предков, из которых пили в дни их поминовения. На ту же практику — тибетцев указывают средневековый путешественник Уильям Рюсбрукский (XIII век) и современная исследовательница Тибета Александра Давид-Ноэль. Да и «отец истории» Геродот пишет, что иссидоны пили из отделанных в золото черепов предков, дабы ясно помнить о них. А тевтоны, по сообщению Плутарха, делали чаши из черепов тех своих убитых врагов, которые отличились особен-

¹ *J. Maringer. The Gods of Prehistoric Man... С. 81.*

Пантелеймонов монастырь (Афон).

Древний обычай почитания в черепе личности умершего удивительным образом сохраняется до сего времени в монашеских обителях Афонской Горы. В крипте, посреди стеллажей, на которых ровными рядами стоят черепа с написанными на лобной кости именами усопших иноков, день и ночь живые творят заупокойные молитвы

ной храбростью. Вкушая из них, они хотели приобщиться их мужеству.

Все эти разновременные свидетельства говорят об одном — череп, бывшийместилищем мозга, сохраняет какое-то духовное, незримое содержание, какую-то частичку личности умершего, которой могут приобщиться живые. Материальные останки умершего были для кроманьонцев не бесчувственным прахом, но одним из элементов, одной из составных частей их умершего сородича, оставшейся в их мире, дабы с ее помощью можно было вступить в общение с ушедшим в инобытие. Эта часть хранила что-то от личности усопшего, она была символом умершего человека. Но как и в случае с иными символическими образами, здесь он сохранял качества и силы первообраза, самого умершего предка. Заупокойный ритуал кроманьонцев, в котором, судя по остаткам в них охры, использовались чаши из черепов, еще более укреплял эту связь и делал умерших предков частью мира живых.

РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ

Верхнепалеолитическая живопись была открыта в 1879 году маленькой дочерью испанского дворянина Марчеллино де Сатуоло. Он взял девочку с собой посмотреть на случайно открытую им за несколько лет до того во время псовой охоты пещеру. Марчеллино шел впереди со светильником, девочка, с замирающим от восторга и страха сердцем почти бежала за отцом. И вдруг Марчеллино услышал ее крик: папа, папа, быки! Для детского глаза многоцветные подтеки по потолку и сводам пещеры Альтамира сложились в замечательных зверей. Вскоре их разглядел и отец. Не прошло и нескольких лет, как весь культурный мир говорил о скальной живописи доисторического человека, тем более что открытия следовали одно за другим.

Конец XIX — начало XX века было в Европе временем утонченного эстетизма Югенстиля, который в России прозвали «модерном», и почти полного равнодушия к глубинному смыслу религиозной жизни. В религии в то время тоже предпочитали искать эстетическое начало. Красоты палеолитического искусства взволновали общество, но о том, для чего оно создавалось, мало задумывались. Казалось само-собой очевидным, что в человеке просто проснулось чувство прекрасного и он стал вдохновенно творить. «Искусство для искусства» — было девизом того времени, и воззрение это с решимостью перенесли на 20—30 тысяч лет в прошлое, приписав кроманьонцу.

Жестокий XX век принес и отрезвенье упоенному эстетизмом европейцу, и собрал довольно фактов, чтобы переосмыслить суть палеолитической живописи. В начале было обращено внимание, что и в живописи пещер, и в найденных позднее скульптурах животных, изваянных в то же время, немалое число сюжетов составляют сцены охоты, вернее, изображения поражаемых стрелами, копьями и камнями животных, иногда — истекающих кровью. И хотя при всей многочисленности такие сюжеты далеко не главенствовали в пещерном искусстве, палеоантропологи к концу 1930-х годов согласились на том, что побудительным мотивом кроманьонского искусства являлась симпатическая магия, то есть убеждение, что, изобразив перед охотой пораженного стрелой зверя, можно с уверенностью надеяться поразить его и в грядущей травле.

Этнография давала необходимый дополнительный материал: некоторые примитивные племена, например пигмеи, — перед охотой действительно рисуют на песке животное, которое они собираются убить и на рассвете дня охоты, с первыми лучами солнца,

поражают изображение охотничьим оружием, рецитируя определенные заклятия. Охота после этого, как правило, бывает удачной, и животное поражается именно в то место, которое пронзило копье на рисунке. Но после завершения охоты рисунок никогда не сохраняется. Напротив, на него изливают кровь (то есть жизнь-душу) убитого животного, а потом изображение изглаживается пучком отстриженной от шкуры шерсти.

При казалось бы полном сходстве охотничьей магии пигмеев с памятниками палеолитической живописи сразу же заметны очень важные отличия. Во-первых, большинство животных все же остается на пещерных «фресках» непораженными, часто художник тщательно рисует их мирную жизнь, любит изображать беременных самок и животных во время брачных игр (впрочем, с завидной стыдливостью). Во-вторых, изображения делаются «на века» прочнейшими, имеющими долговую и очень трудоемкую технологию изготовления красками. Для пигмейского волхва важно изобразить животное, поразить его, потом, полив кровью, как бы вернуть убитому жизнь. После — изображение пораженного животного только мешает его возрождению и потому немедленно уничтожается удачливым колдуном. Палеолитический охотник почему-то вовсе не стремился после успешной охоты считать дело оконченным. Его стремления были противоположного свойства. В-третьих, колдуну, как правило, важно приблизить свое волхование к месту и времени события, на которое он хочет повлиять. Желая убить антилопу, пигмеи «убивали» ее изображение на рассвете дня охоты, на той же земле и под тем же небом, которые должны были стать свидетелями их охотничьего искусства.

Совсем иначе поступали художники франке-кантабрийских пещер. Они казалось бы намеренно избирали самые темные, потаенные уголки, часто исключительно труднодоступные и, по возможности, поглубже уходящие в землю, в толщу горы. Иногда, после завершения работ, вход заделывался каменной стенкой, вовсе препятствуя проникновению людей в такую странную, остающуюся в кромешной тьме, «картинную галерею». Но даже вооружившись фонарем, вы не всегда сможете всласть полюбоваться древними художествами. Они то нарисованы на сводах крайне низких и узких тоннелей, где приходится ползти на спине, чтобы что-то увидеть, то, наоборот, вознесены на высоту многих метров загроможденных сталагмитами залов и, чтобы рассмотреть приглянувшийся сюжет, приходится взбираться на крошечный уступ в нескольких метрах от пола пещеры с риском сломать шею.

Например, в известнейшей ныне французской пещере Ляско, о которой нам еще придется немало говорить, путь к живописным

сокровищам идет через вертикальную шахту глубиной почти в 6 м, из которой невозможно выбраться без веревочной лестницы. В громадной пещере Нио, проходящей через всю толщу горы серией коридоров, залов, закоулков и шахт общей протяженностью 1200 м, живопись начинается только через 400 м от входа. В пещере Фон де Гом, длиной в 130 м первые рисунки встречают вас через 60 м от входа. Чтобы добраться до знаменитых фресок в гроте Трех Братьев, надо полчаса идти по бесконечным темным коридорам и залам.

При том древние художники, в отличие от их нынешних собратьев, кажется, вовсе лишены были профессионального честолюбия. Они избегали работать там, где жили их соплеменники. Кроманьонцы селились, как правило, недалеко от входа в пещеру, если уж избирали этот вид жилища, а рисовали подальше от стойбищ, в сокровенной тишине подземелий. Но особенно любили они избирать галереями пещеры, вовсе не приспособленные для жилья, где никаких следов повседневной жизни кроманьонца археологи так и не обнаружили. Как раз Ляско с ее труднодоступностью и промозглостью оказалась особенно желанным местом для древнего художника.

Но если живопись в верхнем палеолитие не украшала быт и не помогала добыванию пищи, то зачем же старались пещерные художники?

Современному, утилитарно мыслящему человеку, услаждающему себя пищей и, в лучшем случае, любованием красотой, трудно понять иные цели труда. Но странности палеолитической живописи заставляют искать нетривиальный ответ.

Кроманьонцы привыкли хоронить в земле своих мертвецов. И если они стремились поглубже в глубинах земли оставить изображения, то скорее всего и эти изображения имеют отношение не к этому надземному, но к тому подземному (инферальному) миру. Они пытались скрыть изображения от глаз случайных зрителей, а часто — и от зрителей вообще — следовательно не человеку были предназначены они, или уж точно — не всякому человеку. Это были картины, предназначенные для обитателей подземного мира, для душ умерших и духов преисподней.

Это были картины того охотничьего рая, куда уходили предки и в котором они пребывали в ожидании воскресения. Духи, в отличие от живых, не могут поражать животных стрелами и копьями, но они нуждаются в крови жертвенных животных, чтобы там вести полноценную (полнокровную) жизнь и помогать обитателям этого мира. И потому изображены на сценах охоты истекающие кровью, умирающие животные. Это — вечно дрящущие жертвоприношения

усопшим. А сходящиеся и беременные животные вечно умножают стада жертвенных зубров, лошадей, медведей, оленей и горных козлов. Жизнь того мира не прекращается, и жертва не прекращается, и благоденствие предков не омрачается всегда возможным для кратковременно живущих здесь людей забвением. Стремясь, видимо, утвердить жертвенный характер изображений, древние художники подмешивали в свои краски частицы сожженной плоти животных, их кровь и мозг, взятые, скорее всего, от телесных жертв.

Кое-где в залах, полных изображениями райских стад, ученые нашли остатки плашек жировых светильников, охру и даже отпечатки в окаменевшем иле босых человеческих ног. Видимо, посвященные в древние таинства жизни и смерти пробирались по бесконечным запутанным коридорам в запретные для других подземные святилища и там, в мерцающем свете чадающих ламп, танцем, песней и кто ведает как еще разрывали тот покров, которым от века мир живых отделен от мира усопших.

Крупнейший специалист в области палеолитической живописи А. Леруа-Гуран указал на интереснейшую ее особенность — «исключительное единообразие художественного содержания» — «образный смысл изображений, кажется, не изменяется с тридцатого до девятого тысячелетия до Р.Х. и остается одним и тем же от Астурии (западная часть Пиринейского полуострова. — А.З.) до Дона». Это явление сам французский ученый объяснил существованием «единой системы идей — системы, отражающей религию пещер». Географические пределы этой «религии» можно еще расширить, имея в виду очень сходные с франко-кантабрийскими, хотя безусловно и несколько упрощенные, «провинциальные» росписи Каповой пещеры Южного Урала. В чем причина казалось бы совершенно невозможного, в ту далекую эпоху малочисленного и разделенного человечества, единства и устойчивости художественного стиля мы, скорее всего, не узнаем никогда. Но это пространственное единство и временная устойчивость стиля являются косвенным свидетельством того, что для ориньякского и мадленского охотника живопись являлась не развлечением, не искусством для искусства, но значительнейшим для жизни делом.

В эпоху верхнего палеолита религиозный гений человечества делает великое открытие. Можно, нарисовав изображение жертвы, быть уверенным, что она вечно будет приноситься, независимо от участия людей в тайнодействии. Жертву телесную, которую, судя

¹ А. Leroi-Gourhan. Le religions de la prehistoire (Paleolithique). P., 1964. P. 83-84.

Пещера Шер-а-Кальва
(департамент Шаранга, Франция)

Пещера Труа Фрер
(Франция)

Пещера Тейяг
(Франция)

Пасущиеся в полях иного мира, отрицающиеся и размножающиеся животные, которых в этом мире верхнепалеолитические охотники приносили в жертву, ища соединения с Богом, должно быть отражали их веру в вечно длящееся жертвоприношение, свершающееся в том прекрасном мире, куда, завершив земной путь, уходят люди, искавшие единения со своим Творцом еще в этой жизни. Райские «поля великих жертвоприношений» изображались с великим тщанием в сокровенной глубине пещер

по остаткам пищи на могилах, приносили уже неандертальцы, а то и синантропы, кроманьонец дополнил жертвой изображенной, но оттого, не менее значительной, а напротив, не единовременной, вечной. В великом поединке со смертью человек начал осваивать новый прием, который, казалось бы, приближает победу.

Можно ли полагать этот новый прием «магическим»? Большинство исследователей верхнепалеолитической живописи, как бы они

ее не объясняли, однозначно говорят — «да»¹. Но такая однозначность ответа объясняется двумя специфическими особенностями собственного сознания этих ученых. Будучи в своем большинстве выходцами из протестантских обществ, они с детства заражены своеобразным иконоборческим импульсом. В мысли о том, что сделанное человеком изображение ведет его к изображенному объекту, такие исследователи усматривают «привкус жажды магического обладания». Для них и христианская икона есть магический объект. С другой стороны, протестантизм Лютера принципиально отрицает посмертную жизнь души. До последнего воскресения и суда умерший пребывает как бы в беспробудном сне. Поэтому-то любые заупокойные обряды не приемлются строгим лютеранством. Отсюда — стремление установить отношение с душами умерших предков для ученых лютеранской культуры — это тоже «суеверие», магизм.

Магия в этом случае превращается просто-напросто в «плохую религию». Однако смысл магии можно определить намного строже. Магия есть определенная религиозная практика, ориентированная на подчинение духов или положительное (привлечение их сил себе в подмогу) или отрицательное (так называемая защитительная магия, когда воздействия духов стараются избежать). В теистических религиях (то есть в таких, которые ориентированы на Бога-Творца) магия занимает всегда более или менее скромное и подчиненное место. В тех же религиях, где Бог-Творец «вынесен за скобки» актуальной религиозной практики и адепт всецело погружен в мир духов (такие религии я именую демонистическими — от греч. «δαίμονος» — дух, низшее божество), магия становится, из-за устранения Бога-Творца, основной религиозной практикой. Поэтому демонистические религии часто именуют магическими, или, попросту, магией, оставляя право именоваться религией только за религиями теистическими.

В отличие от религиозного, магического сознание стремится овладеть духовным миром, подчинить его своей воле. Религиозное же сознание, напротив, желает само, избавившись от своеволия, подчинить себя воле своего Создателя — Бога. Сама по себе палеолитическая живопись не позволяет нам, как бы мы ее не интерпретировали, безусловно определить ее как магическую или религиозную. Очень часто и религия, и магия пользуются одними и теми же объектами, вкладывая в них различный смысл и пресле-

¹ P.J. Ocko, A. Roseirfeld. Palaeolithic Cave Art. L., 1967; T.G.E. Powell. Prehistoric Art. L., 1966. P. 31—72; J. Maringer. The Gods of Prehistoric Man... P. 97-100.

дую вовсе несходные цели. В руках палеоантрополога имеются только материальные объекты и если он не установит за ними определенный духовный смысл, он может их с равным успехом считать и магическими и религиозными.

«Магические практики, — указывал А. Йенссен, одним из первых усомнившийся в магизме кроманьонской живописи, — представляют собой всего лишь аппликацию старинных культовых действий, более не признаваемых ясно и потерявших первоначально свойственный им религиозный смысл»¹. Но как установить, что имеем мы в верхнем палеолите — религиозное стремление или его «магическую аппликацию»?

А. Бруннер в своем прекрасном исследовании указал на важнейшее отличие содержательной стороны магии от религии: «Мы можем рассматривать магию как нечто враждебное собственно религии, утверждающееся по мере увядания религиозной жизни и подмены идеи Бога интересом к иным духовным сущностям». Это последнее замечание очень важно. Магист не может уютно жить с Богом. Своим Творцом он овладеть не может, а потому предпочитает забыть о Нем, вынести Его «за скобки» и остаться в мире духов — таких же сотворенных сущностей, как и он сам, с которыми иметь дело попроще.

Итак, чтобы ответить на вопрос — магия или религия побуждала творить кроманьонского художника, нам необходимо рассмотреть представления о Боге в верхнем палеолите.

ИДЕЯ БОГА В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

Вернемся ненадолго к брюнскому захоронению. Когда ориньякские охотники хоронили своего товарища, то они положили рядом с его телом посыпанные охрой бивни мамонта и накрыли тело лопатками мамонта. Эта особенность погребального обряда была повсеместно распространена в Евразии 35—20 тысяч лет назад. В могилах времени Ориньяка и Солютра постоянно встречаются части черепов мамонта и его клыки. В самом Солютре, давшем название культуре, в валлийском Пэйвилэнде, в немецком Клаусе, на пространствах Великой южнорусской степи — повсюду археологи встречают захоронения этого типа. В Вестоницах даже связанную, лишенную какого-либо погребального инвентаря женщину похоронили все же под лопаткой мамонта. В Предместье

¹ A.E. Janssen. Oibt es Zauber handlungen // Zeitschrift für Ethnologic. В. 75 (1950).

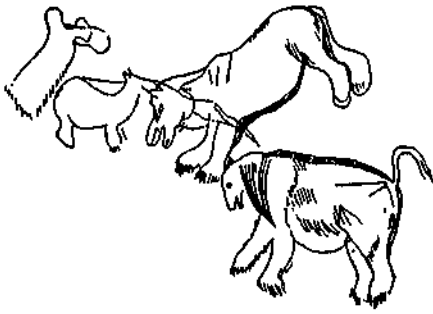
² A. Brunner. Die Religion. Freiburg, 1956.

склеп ориньякских охотников также был устроен из лопаток мамонта. На Десне К. Поликарпович обнаружил в 1935 году тридцать черепов мамонта и десяток бивней, уложенных кругом двух землянок. Здесь же обнаружил он и десять овальных пластинок мамонтовой кости от 15 до 26 см длиной с геометрическими насечками, близкими к «ревуну» из Ля Роша и австралийским ревунам. Сам Поликарпович назвал свою находку «верхнепалеолитическим святилищем». Ревуны указывают, что оно как-то было связано с миром предков. На Северских равнинах Северо-Восточной Украины никакие пещер найти невозможно и потому, видимо, создатели святилища на Десне были вынуждены довольствоваться специально открытыми землянками для совершения заупокойных обрядов и общения с духами предков.

Обилие находок бивней и черепов мамонта в могилах и святилищах Ориньяка и Солютра привело к тому, что этих кроманьонцев стали именовать «охотниками на мамонтов», так же как неандертальцев из-за находок складов медвежьих костей — «охотниками на медведя». Сомневаться в том, что обитатели Евразии охотились 20—30 тысяч лет тому назад на мамонтов не приходится. Однако зачем охотились они на этих огромных животных? Кажется, ответ ясен — ради мяса и шкур. Но в действительности все не так просто.

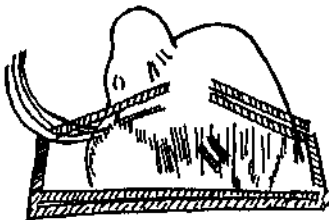
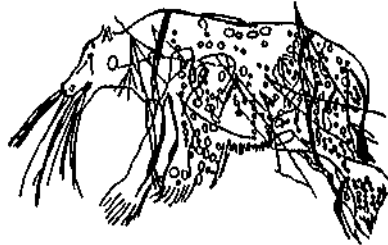
Хотя мясо слонов вполне съедобно, а некоторые части тела — просто деликатес и до сих пор высоко ценятся гурманами, такая гастрономия была сопряжена для ориньякского охотника с очень большим, вряд ли оправданным риском и трудом. Вокруг было полно не менее вкусной, но существенно более доступной дичи (олени, кабаны, лоси, зайцы), а также рыба и птица были вполне достижимы после изобретения мощного (в человеческий рост) лука и оперенных стрел, гарпуна, остроги и, наверное, рыболовной сети и удочки с крючком из рыбьей же кости. Нам кажется, что в мамонте может привлекать возможность за раз добыть огромное количество мяса. Но такое количество мяса охотнику могло быть и не нужно или нужно только в начале зимы, когда мороз мог предохранить добычу от порчи. Ведь жили ориньякские и мадленские охотники не бесчисленными дикими ордами, а небольшими группами по 6—12 человек. Наличие туш огромных животных около стана только соблазняло хищников тундры разделить эту добычу с человеком и тем самым могло подвергать жизнь людей неоправданной опасности.

Мамонтов между тем убивали не как исключение, но регулярно, как будто без них кроманьонец никак не мог обойтись. Есть даже мнение, что это замечательное животное исчезло по причине слишком пристального интереса к нему древнего человека. И интерес этот, кажется, был не столько гастрономического, сколько

Играющие «медведевки»
(пещера Труа Фрер, Мон-
тескье-Авантес, Франция)

Медведи, приносимые
в жертву
(пещера Труа Фрер, Мон-
тескье-Авантес, Франция)

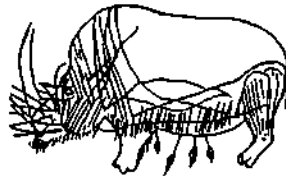
Мамонт в могиле (?)
(Фон-де-Гом, Дордонь, Франция)

Тур
(пещера Пинадль, Испания)

Поражаемый дротами зубр
(пещера Нио, Франция)

Шерстистый носорог
с вонзенными в него стрелами
(Ла Колумбьер)

Жертвоприношение зубра. Костяная палетка из Абри Раймонден
(Дордонь, Франция).

Таинственные изображения животных, то приносимых в жертву, истекающих кровью, то стоящих посреди какой-то конструкции, то заимствующих детали от разных видов живых существ — весьма распространенный сюжет верхнепалеолитической живописи. О том, что пытался выразить через эти изображения древний человек, мы можем только догадываться

религиозного свойства. Мамонт был необходим верхнепалеолитическому охотнику в ритуале.

«Не имел ли кроманьонец намерения помещать своих умерших под покров этого громадного животного, самые размеры которого должны были отпугивать злых духов» — высказывает предположение Дж. Марингер¹. Но вряд ли размеры убитого зверя могут отпугнуть сами по себе даже геену и орла-могильщика. Скорее, размеры и мощь мамонта символизировали для ориньякского охотника всемогущее Высшее Существо, точно также как для неандертальцев таким символом был пещерный медведь.

Примечательно, что и современные пигмеи Тропической Африки никогда не охотятся на слона просто ради мяса. Эта опасная и трудная для них охота всегда сопряжена с жертвоприношением. Слона они считают воплощением Высшего Бога, духом, покровителем человека. Перед ним извиняются за то, что его убили, самые вкусные части (например, хобот) хоронят в земле, а мясо едят с благоговением, в

¹ J. Maringer. The Gods of Prehistoric Man... P. 137.

надежде сопричаститься высшей Небесной Силе. Аналогию этих обрядов с обычаями кроманьонца впервые усмотрел П. Вернер¹.

Видимо, и для древних охотников Европы общение с мамонтом в жертвоприношении, присутствие бивней и костей мамонта в могиле, в святилище было знаком богоприсутствия, богообщения. Отдавая своих умерших покрову Того Существа, символом которого являлся мамонт, кроманьонцы скорее всего уповали на приобщение своих умерших к Его свойствам вечности, всемогущества. Живя в мире дикой природы, досконально зная ее строй и порядок, могли ли эти древние охотники лучше выразить идею божественного всемогущества в земных, то есть в единственно возможных для всех нас образах, чем уподоблением мамонту Божественного Существа?

В святилищах верхнепалеолитических пещер иногда находят маленькие глиняные модельки шатров или землянок. Предполагают, что это — жилища душ умерших². В пещере Фон-де-Гом (Дордонь, Франция), в таком домике стоит мамонт с громадными бивнями. Может быть, это дух умершего, уподобившийся уже своему божественному Творцу?

Культ мамонта безусловно доминирует в позднем палеолите Евразии, но и более древние культы медведя не забылись полностью. Некоторые племена отдавали им предпочтение, а возможно, оба эти культа сосуществовали в одних и тех же общинах.

Л. Зотз обнаружил в пещере Рейерсдорф (Глац, Силезия) вместе с памятниками мадленской культуры черепá медведей в нишах и на вершине камня. Один из черепов, принадлежавший медведице, был поставлен в специально устроенный «шкаф» и прикрыт камнем. В хорошо сохранившемся черепе отсутствовала правая теменная кость, через это отверстие, видимо, был удален мозг. Аналогичные находки были сделаны А. Лемози в Пеш Мерль (Франция). Находки эти, как нетрудно заметить, очень сходны с неандертальскими из Драхенлоха и Петершёле.

В другой силовской пещере, Хелльмишхёхль, Л. Зотз сделал в 1936 году еще более интересную находку. Недалеко от входа он обнаружил специально захороненную голову молодого (2—3 года) пещерного медведя вместе с костями бурого медведя. Археолог обратил внимание, что зубы пещерного медведя были тщательно спилены незадолго до его гибели (дентин на спилах не успел восстановиться полностью). В черепе были найдены орудия ран-

¹ P. Werner. Culte des cranes Representation des esprits des defunts et des ancetres // L'histoire genevaise des religions. P., 1948. P. 51—102.

² H. Breuil. Pratiques religieuses chez les humanités quaternaires // Scienza e Civiltà. 1951. P. 45-75.

неориньякского времени. Вскоре после опубликования Л. Зотзом этой находки, этнолог В. Копперс подсказал современную аналогию находке Зотза. Оказывается у гиляков и айнов Сахалина и Курилл еще в начале XIX века был замечен обычай так называемого «медвежьего праздника». Зимой, после солнцеворота, специально выращенный в неволе 2—3-летний медведь, после торжественных ритуалов приносится в жертву. Его полагают посланцем к великому духу и, по убеждению айнов, он будет ходатайствовать за племя перед этим духом в течение всего года и особенно будет спешествовать охотникам. Примечательно, что незадолго до жертвоприношения зубы жертвенного медведя спиливаются «дабы он не причинил вреда во время празднеств». «Обычай, бытовавший в эпоху палеолита, сохранился до наших дней среди окраинных народов Северной Азии» — указывал Копперс¹.

Аналогия еще более усиливается, если мы вспомним, что айны прежде чем убить жертвенного медведя, подвергали его всяческим насмешкам, раздражали его. Дети и подростки кидали в животное камни и дротики. И лишь затем разъяренного окровавленного зверя убивал жрец. В гроте «Трех Братьев» (Франция) имеются хорошо известные изображения медведей, в которых летят камни и стрелы и из пасти и носа которых потоком льется кровь. Очень возможно, что здесь изображено жертвоприношение медведя по сходному с современным айнским обряду.

Но сохранение обряда у айнов и гиляков вовсе не значит, что и объяснения его сути дошли до нас в неизменном виде. Обитатели Курильской гряды и Сахалина не в состоянии разумно объяснить зачем они мучают и без того обреченного на жертву и при том весьма почитаемого в принципе зверя. «Таков обычай» — отвечают они на все распросы этнолога. Да и то, что дух принесенного в жертву медведя идет к Великому Духу гор, не есть ли позднейший домысел?

Обряд избияния медведя, появляющийся в верхнем палеолите, не мог не иметь тогда ясного и хорошо сознаваемого людьми смысла. Скорее всего он как-то был связан с идеей страдания Высшего Существа за грехи людей, он был ритуальным воспроизведением какого-то божественного события, бывшего «во время оно» и связанного со страданием Бога,

Событие давно забыто гиляками, ритуал превратился просто в жестокий обычай, а убитое животное уходит теперь к горному духу, чтобы помогать племени в охоте в наступающем году. Но повсеместный страх, уважение, связанные с медведем, и по сей день

¹ W. Koppers. Künstlicher Zahnschliff am Bäre im Altpaläolithikum und bei den Ainu auf Sachalin // Quartär, 1938. P. 97-103.

среди народов северной Евразии указывают нам на значительно более важную роль, игравшуюся этим животным прежде. В палеолитической живописи изображения медведей редки — он, видимо, не входил в число жертвенных животных заупокойного культа, а имел отношение к миру живых. Но там, где медведь все же изображается, он часто имеет элементы иных животных — то морду волка, то хвост зубра. Встречаются и изображения людей в шкурах медведей, с медвежьими головами. Древний художник как бы старался сказать, что почитается не медведь сам по себе, но существо, им отображаемое, и потому нет ничего предосудительного в смешении черт, присущих различным животным, а то и человеку. Это последнее — особенно знаменательно.

Если останки медведя редко встречаются в могилах кроманьонцев, то старая символика рогов продолжает связываться с заупокойными представлениями. Отношение к рогу, как к символу божественного могущества, перешло на бивни и даже иные кости скелета мамонта, который поражал древнего человека своей мощью еще более, чем зубр или олень. Но там, видимо, где мамонтов нелегко было поймать, приходилось ограничиваться рогами оленя, горного козла, а то и газели (Передний Восток). На пространствах французского Центрального Массива, где из-за сложного пересеченного рельефа мамонты были редки, в захоронениях обычно встречаются черепа и рога благородного или северного оленя. Они сопутствуют в вечность не только мужчинам охотникам, но и женщинам (грот Сан Жермен Ля Ривьер) и потому никак не могут считаться простыми «охотничьими трофеями». Это — почти безусловно знак божественного присутствия, надежда на приобщение вечной, божественной жизни. В Солютре мужчина был похоронен в склепе в 1,8 м высоты, а внутри и рядом со склепом были заботливо положены рога от 80 северных оленей и части костяка мамонта. В пещере Кафзех, на финикийском побережье Средиземного моря, тринадцатилетний подросток лежал в могиле лицом к небу. На скрещенных крестообразно его руках покоились рога лани¹.

Однако ни древний культ медведя, ни рога оленей и бивни мамонта в могилах соплеменников не могли в эпоху верхнего палеолита полностью успокоить рвущуюся за пределы этого земного и временного мира человеческую душу. В пещере Ляско (Lascaux, Дордонь, Франция), которая, скорее всего, была исключительно святилищем, но не местом обитания кроманьонца, нас встречают некоторые изображения по сей день никем не объясненные сколь-

¹ J. Bar. Prehistory of Levant // Annual review of Anthropology. 1980. Vol. 9. P. 113.

ко-нибудь удовлетворительно. Начать с того, что в первом же зале процессию разнообразных животных «ведет» по сводам странное трехметровое существо. Оно имеет хвост оленя, заднюю часть дикого быка, горб зубра. Задние ноги напоминают слоновьи, передние — конские. Головой животное это подобно человеку, а от темени отходят два длинных прямых рога, каких вовсе не сыщешь в животном мире. Зверь этот, по мнению ряда исследователей, является собой женскую особь с подчеркнутыми признаками беременности¹.

Если бы целью древнего художника была «охотничья магия», то он никогда бы не изображал подобных монстров. Ведь чтобы поразить животное во время охоты, надо, с точки зрения колдуна, как можно более точно воспроизвести его образ, а потом убить изображение. Даже если согласиться (а это весьма сомнительно), что темные пятна на шкуре чудовища из Ляско — это следы от камней охотничьей пращи, то непонятно зачем надо было стараться колдуну над трехметровым изображением, занимающим центральное место среди изображений первого зала, если животное такое все равно не встретишь в полях охоты.

Комбинированные изображения животных убедительно свидетельствуют против объяснения палеолитического искусства как «охотничьей магии». Но зачем тогда понадобилось кроманьонцам это странное существо?

«В подземных святилищах, — указывает французский искусствовед и палеоантрополог А. Ламин-Эмперэр, — более многочисленны знаки... изображения фантастических животных, существ полузвериной-получеловеческой природы, схематические изображения людей. Напротив, в памятниках на открытом месте изображения преобладают над знаками, «реалистическая» трактовка над схематической, изображения хорошо известных животных над фантастическими, женские образы над мужскими...». В чем смысл замеченной Ламин-Эмперэром закономерности?

Чтобы понять это, попробуем проследовать вслед за стадом, предводительствуемым «чудищем», в глубь пещеры. После немалых усилий протискивания по узким коридорам мы наконец оказываемся в последнем, находящемся глубоко под землей, небольшом зальце. Стены его сохранили следы красной охры. Вспоминаются слова одного из крупнейших специалистов по доисторической религии — Марии Гимбутас: «Пещеры, расселины, провалы

¹ *J. Maringer. The Gods of the Prehistoric Man...* P. 94—95.

² *Laming-Emperaire. Le signification de l'art rupestre paleolithique. Methode et application.* P., 1962.

Изображение ископаемого человека.

Одно из первых портретных изображений ископаемого человека, сделанное им самим. Человеческая голова из Дольних Вестониц (Моравия, Чешская республика). Кость мамонта, около 25 тыс. лет назад. Хотя этот «портрет» относится и к верхнему палеолиту, но вглядываясь в черты лица изображенного кроманьонца мы не сможем не заметить печать ума и глубины на этом совершенно человеческом лице

земли являются естественными явлениями исконной утробы Матери. Идея эта уходит в глубину палеолита, когда узкие подземные проходы, овальные залы пещер, трещины окрашивались в красное. Этот красный цвет символизировал цвет детородных органов Матери»¹. И хотя скорее он понимался шире — как цвет крови и жизни, нельзя не представить себя

в утробе земли, находясь во внутренней пещере Ляско. Может быть это та самая утроба, которая была видна извне в первой пещере — утроба, которой обладало странное чудовище с прямыми рогами. Может быть, это и есть утроба земли, в которую погружают умерших и из которой ждут их возрождения? А может быть это, подобно египетской Нут, «небесная королева», уже принявшая в свое чрево души умерших кроманьонцев? Увы, рисунок не может сказать нам всего.

Но взглянемся в изображения внутренней пещеры. Они странны. Мы увидим существо с человеческим телом, но с четырьмя пальцами на руках и ногах и с птичьей головой. Существо это лежит навзничь, раскинув руки и вытянув ноги, подобно телу, положенному в могилу. Но художник почему-то изобразил у этого

¹ M. Gimbutas. The Old Fertility Goddess of Old Europe // Dialogues d'histoire ancienne. P., 1987. P. 21.

Умерший перед Великим зубром.

Живопись. Пещера Ляско (Lascaux) Монтиньяк (Дордонь, Франция).

Пещера Ляско, названная «палеолитической Сикстинской капеллой» из-за исключительной красоты и многообразия находящихся на ее стенах живописных изображений двадцатитысячелетней давности (большинство специалистов относят живопись Ляско к Мадленской эпохе), была

обнаружена совершенно случайно в сентябре 1940 г., когда четыре мальчика заинтересовались глубокой ямой, открывшейся под корнями вывороченного бурей дерева. Ныне эта пещера — всемирно прославленный музей. Но среди всех изображений, оставленных мадленскими художниками в Ляско, нет фрески более загадочной, чем знаменитая сцена «трагически закончившейся охоты» в «апсиде» второго зала пещеры. Ее исключительную значительность для древних посетителей Ляско признают практически все исследователи. Не является ли в действительности эта «охотничья сцена» древнейшим развернутым изображением посмертных представлений доисторического человека? На левой части фрески написан уходящий шерстистый носорог, отделенный от основного изображения тремя рядами по две точки в каждом. Носорог этот то ли реальный виновник гибели охотника, похороненного под изображением, то ли символическое изображение зла смерти. Характерно, что, в отличие от мамонта, зубра, тура и оленя, рога и кости носорога не использовались в захоронении мадленцев

умершего мужские половые органы в состоянии готовности к соитию. Птицеголовость, птицелапость (четыре пальца — лапка птицы). Все это признаки духа, оторвавшегося от бренности земли в таинственном полете. Фаллос — символ жизни и жизнедательной силы. Художник желал показать, что изображенный — дух живой, имеющий свою силу с собою. Прямо перед лежащим человекоптицей стоит громадный зубр. Он опустил голову с мощными рогами и смотрит на лежащего. Его грива поднялась дыбом, хвост также поднят вверх, что показывает высокую возбужденность зверя. Его мужские части подчеркнуты с какой-то особой гипертрофией. Они столь велики, что иногда их считают «вывалившимися от удара копьём внутренностями». Этот огромный рогатый, полный великой силы бык, стоящий над «живым умершим», скорее всего то самое существо, присутствие которого в могиле символически отображали бивнями мамонта, рогами оленя или зубра. Это — Он Сам. Художник подчеркнул его величайшую жизнеда-

тельную силу. Он — источник и податель жизни. Тот, кто после смерти приходит к Нему — тот будет жить. Потому-то и умерший изображен с фаллос эректос.

Здесь, в этой таинственной фреске из Ляско, перед нами предстает самое сокровенное упование палеолитических людей — надежда на победу над смертью, и предстает не в виде элементов заупокойного ритуала, но в символическом изображении.

Стоящий над умершим зубр поражен кажется тяжелым копьем. Он и податель жизни — и жертва за жизнь. Представление это может показаться слишком сложным для ориньякских охотников, но вспомним, что именно с таким представлением о гибели и победе над смертью подателя жизни (Осирис в Египте, Думузи в Шумере, Яма — в ведах) входит человечество в религиозную историю 4—5 тысяч лет назад. Идея единства жертвоприношения, жертвы и жертвователя — идея очень древняя. «Жертвою Боги пожертвовали жертве» — провозглашают, например, веды [RV. 10.90.16.1].

Близ этой фрески в земле найдены остатки светильников. Видимо посвященные в таинства жизни и смерти совершали в этой окрашенной охрой пещере свои обряды, слов которых мы не узнаем никогда.

Но, пожалуй, с фреской Ляско совпадает изображение на палетке из пещеры Раймондон (Raymondon. Франция). Только здесь действие происходит не в потустороннем, но в земном мире, и не закланный в жертву зубр животворит умершего, но люди приносят в жертву зубра, надеясь, должно быть, через эту жертву соединиться с первообразом, с тем великим Существом, символом Которого был для кроманьонца зубр. На палетке безусловно изображено жертвоприношение. Голова зубра на уже освобожденном от мяса костяке и две передние ноги, отсеченные и лежащие перед головой. По обе стороны зубра стоят люди. Это — участники жертвоприношения, жертвенной трапезы. У одного из них в руке нечто напоминающее пальмовой ветви.

Фреска Ляско и палетка из Раймондон — две части целостной картины религиозных упований человека верхнего палеолита. На палетке мы видим жертвоприношение в мире людей, на стенах пещеры — результат (и одновременно причину) этого жертвоприношения в мире богов, куда так желал попасть человек, пройдя рубеж земной жизни.

Можно привести немало примеров находок остатков таких жертвоприношений, какое изображено на палетке из Раймондон. Например, в Ла Шапель-о-Сен перед входом в неандертальское «кладбище», под камнем лежала голова, грудь и передние ноги

северного оленя. Животные для жертвы были взаимозаменяемы, но смысл жертвоприношения от этого не менялся.

«ВЕЛИКИЙ КОЛДУН»

Смешение частей от разных животных в одной фигуре, что мы так отчетливо замечаем в Ляско, преследует определенную цель — показать, что «в том мире» все не так, как в этом. Такие смешанные изображения очень часты. Они как бы разбивают наивное представление ученых, что древние полагали Богом зубра или медведя и объясняют нам с предельной для доисторического охотника ясностью — нет, не зубр есть Бог, но зубр — это символ Бога. И там, где возможно, лучше нарисовать зубра не совсем настоящим, чтобы этой символичностью никто не обманулся и не принял

а)

б)

«Великий колдун».

Ученые, вполне условно называют верхнепалеолитические изображения этого типа — «Великий колдун». В чем их действительный смысл, кого изображают они никто не знает и мы можем строить только догадки о сути сюжетов, представленных здесь изображениями из французских пещер Труа-Фрер и Лурд: а) из Лурдской пещеры (Франция); б) изображение из пещеры Труа-Фрер, Монтесть-Авантес (Южная Франция)

Но часто эти смешанные изображения перестают быть чисто звериными. В них то там, то тут начинают проглядывать человеческие черты. То корпус, то ноги, то черты лица этой странной фигуры обнаружат человеческое. «Это колдуны в масках» — говорят иногда исследователи. Но безусловно — это не маски. Это все те же составные фигуры «инога мира». В гроте «Три Брата», также как и Ляско, бывшем святилищем, а не жилищем, таких составных фигур очень много. Но над всеми ими, в самой глубине пещеры царит изображение удивительного существа. У него торс зверя, хвост и уши волка, глаза филина, рога оленя, но руки и ноги человеческие. Существо с хвостом лошади, рогами оленя, но с бородатым мужским лицом встретится нам в Лурдской пещере. Аббат Брель назвал изображенного в этих пещерах «богом охотников», Марингер — «великим колдуном».

Первое относится к религии, второе определение — к магии. Для нашей, христианской иконографии, эти рогатые звероподобные, козлоногие существа с подчеркнутыми мужскими частями конечно же — духи зла, черти. Но не забудем, что десятки тысяч лет назад человек мыслил в иных образах. Члены жертвенного животного напоминали ему объект жертвы, рога — могущество Бога, фаллос — жизнедательную силу. А когда древний художник придавал этому «богу охотников» какие-то собственные, человеческие черты — он делал дерзновенный шаг в познании Абсолютного начала бытия. Помимо могущества и великой силы кроманьонец увидел какое-то сходство между собой, маленьким, затерянным среди диких пространств неосвоенного еще мира, человеком — и Творцом этого мира. Придавая великому Богу-Зверю человеческие черты, он, должно быть, хотел показать, что он сам сродни божественному и потому смеет рассчитывать на благосклонность «того мира». Может быть так думали и раньше, но человек верхнего палеолита, овладев живописным искусством, сумел показать наглядно, хотя и в причудливых для нас формах, что Великий Бог и он сам в чем-то подобны друг другу. В Великом Звере стали проступать человеческие черты, а в человеке — подбоя Великого Зверя.

Может быть на некоторых «фресках» действительно изображены древние жрецы, которые, совершая в глубине пещер свои обряды, одевались так, чтобы уподобиться Великому Зверю, может быть даже их облик послужил образцом для древнего художника в изображении Высших сил — в сущности все это ничего не меняет. Кроме необычного для нас иконографического решения ничто не позволяет говорить: «великий колдун», смотря на эти изображения. И связь с заупокойным ритуалом, и безусловные ассоциации с

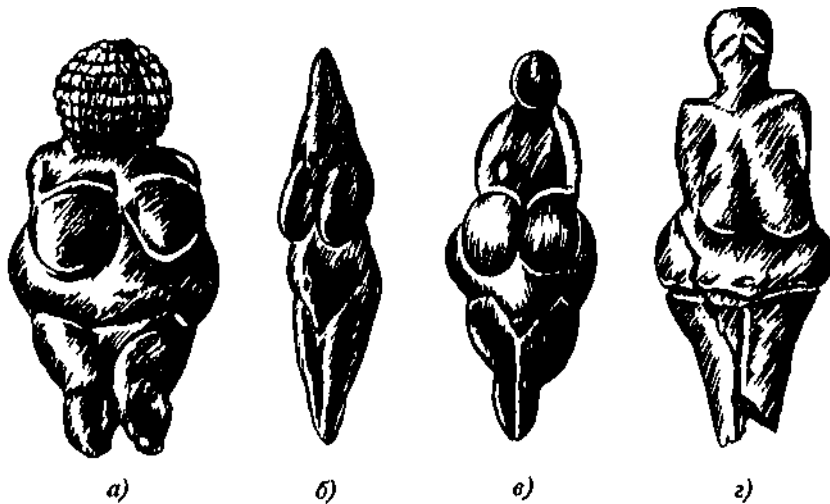
жертвой, и надежда, очень явно обозначенная, на преодоление смерти через соединение с Творцом — все это позволяет согласиться скорее с Брёлем, нежели с Марингером.

Когда древние охотники спускались в темноту пещер, освещая свой путь неверными огоньками светильников, они шли не совершать колдовские радения, но просить у Великого Подателя жизни удачи в этом мире, а главное — победы над вечным врагом человека — смертью. У нас нет никаких объективных данных, позволяющих считать человека верхнего палеолита магистом, но в нашем распоряжении есть множество свидетельств его напряженного религиозного искания. «Односторонние утверждения о художественной магии палеолитического человека звучат крайне неубедительно. Напротив, его искусство все наполнено культовым и религиозным содержанием» — заключает Карл Нарт¹.

«ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕНЕРЫ»

Еще одним кругом верхнепалеолитических находок, имеющих значение, выходящее за пределы этой обыденной посюсторонней жизни, являются многочисленные фигурки, рельефы и рисунки женщин. Разумеется, и этот сюжет был сначала истолкован вполне материалистично, как проявление эротических наклонностей древнего человека. Но, надо сознаться, эротизма в большинстве этих изображений немного. Фигурки палеолитических «венер», относящиеся большей частью к Ориньяку и в Мадлене исчезающие, показывают, что интерес к женщине тридцать тысяч лет назад весьма отличался от нынешнего. Лицо, руки и ноги проработаны в этих фигурках очень слабо. Подчас вся голова состоит из одной пышной прически, но вот все что имеет отношение к рождению и кормлению ребенка — все это не просто тщательно прописано, но, как кажется, преувеличено. Огромный зад, бедра, беременный живот, отвисшие груди. Палеолитическая Венера — это не грациозное создание, пленяющее воображение современного мужчины, и не цветущая женственность луврской Афродиты, но многорожавшая мать. Таковы наиболее известные «венеры» из Виллендорфа (Австрия), Ментоны (Итальянская Ривьера), Леспюжю (Франция). Таков и примечательный рельеф из Луссель (Франция), на котором стоящая в фас женщина держит в правой, согнутой в локте

¹ K. Narr. Approaches to the religion of early paleolithic man // History of Religions. 4. (1964). P. 17.

Палеолитические «венеры».

Женские фигурки из камня и кости, безликие, но с подчеркнутыми признаками женского, рождающего естества, были очень широко распространены в верхнем палеолите всей Северной Евразии. Почти безусловно они отражали возрождающую к печной жизни материнскую утробу земли. Вестоницкие «венеры» особенно интересны тем, что сделаны из глины и обожжены. Это чуть ли не первые и истории человечества образцы терракоты (25 500 лет назад).

Палеолитические «венеры» Ориньякского времени:

- a)* из Виллендорфа, Австрия. Высота 11 см. Известняк;
- б)* из Сапиньяно, Италия. Высота 22,5 см. Серпентин;
- в)* из Леспюжю, Франция. Высота 14,7 см. Кость мамонта;
- г)* из Дольних Вестониц, Чехия. Терракота

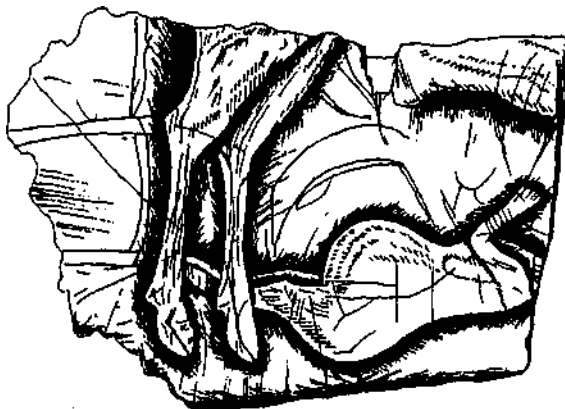
руке массивный рог, очень напоминающий роги изобилия, но, скорее всего это — знак присутствия Бога-Зубра.

И не то чтобы палеолитический художник просто не умел или не желал изображать женскую красоту. На нескольких памятниках мы можем видеть, что он в принципе прекрасно это делал — головка из слоновой кости (Брасемпуй), рельеф в пещере Ля Мадлен, открытый в 1952 году. Но фигурки и изображения «венер» отнюдь не ставили целью прославить совершенство женской красоты.

Находки, сделанные на Украине К. Поликарповичем, проясняют смысл странных статуэток. В святилище на Десне кроме черепов и бивней мамонта, кроме ревунов им была найдена и женская фигурка из слоновой кости типа «венер». Она раньше была прикреплена к чему-то и являлась частью заупокойного святилища.

Беременная женщина у ног оленя.

Крупные копытные животные, зубры, мамонты, олени, быки становятся в верхнем палеолите почти универсальным образом Небесного Бога. Они, носители мужского «семейного» начала, дают жизнь, которую принимает и вынашивает в своей утробе «Мать-Земля». Не эта ли мысль направляла резец верхнепалеолитического мастера из Ложери-Басс, когда он работал над изображением беременной женщины у ног оленя?

Скорее всего, эти «венеры» являлись изображениями «Матери-Земли», беременной умершими, которым надлежит еще родиться вновь к вечной жизни. Может быть, сущность так изображавшаяся была самым родом в его протяжении от предков к потомкам, Великой Матерью, всегда производящей на свет жизнь. На Украине же, в Гагарине, семь таких фигурок располагались по стенам землянки мадленцев. Они стояли в специальных нишах. Это безусловно был объект поклонения. Для хранильницы рода не важны индивидуальные «личные» признаки. Она — вечно беременное жизненное чрево, вечно кормящая своим молоком мать. Вряд ли размышления древних поднимались до высоких абстракций, но коль хоронили они своих мертвецов в землю, то стало быть верили и в их воскресение, а если верили, то не могли не поклоняться Матери-Сырой-Земле, дающей пищу, жизнь и возрождение.

Надежды кроманьонцев не ограничивались землей, они душой стремились к небесному Богу-Зверю, всемогущему подателю жизни. Но из опыта повседневности они прекрасно знали, что семя жизни должно найти ту почву, в которой только и может прорасти. Семя жизни давало небо, почву — земля. Поклонение Матери-Земле, столь естественное у земледельческих народов, в действительности оказывается древнее земледелия, так как целью поклонения был для древнего человека не земной урожай, но жизнь будущего века.

Весьма ошибается Мирча Элиаде, когда во введении к «Священному и мирскому» утверждает: «Ведь очевидно, что символика

и культы Матери-Земли, плодovitости человека,... священности Женщины и т.п. смогли развиваться и составить широко разветвленную религиозную систему лишь благодаря открытию земледелия. Столь же очевидно, что доаграрное общество бродяг-номадов было не способно также глубоко и с той же силой прочувствовать священность Матери-Земли. Различие опыта — это результат экономических, социальных и культурных различий, одним словом — Истории¹ — «Очевидное» — еще не истинное, это лучше других должен был знать религиовед. Культы Матери-Земли охотников верхнего палеолита заставляют нас предположить, что религиозное не есть всегда продукт социального и экономического, но, подчас является их причиной и предпосылкой.

Для лучшего понимания всей неоднозначности причин и следствий в человеческой культуре особенно интересны фигурки «венеры» из Дольни Вестонице. Вестоницкие «венеры» сделаны из глины и обожжены. Это чуть ли не первые в истории человечества образцы терракоты (25 500 лет назад). Древний мистик должно быть старался в самом материале запечатлеть великую идею земли, соединяющейся с небесным огнем для принятия в себя небесного семени. Может быть удар молнии, оплавившей почву, навел его на эти образы. От бытовой керамики, появляющейся в раннем неолите, эти специально обожженные на огне глиняные статуэтки Матери-Земли отделяют не менее двенадцати тысячелетий.

Очень характерна и обнаруженная в конце 1950-х годов под навесом скального укрытия Англе сюр л'Англи (Angles-sur-l'Anglin, Вьенна, Франция) сцена мадленского времени. Три женщины, с ясно подчеркнутыми знаками своего пола, стоят близ друг друга. Одна — с узкими девичьими еще бедрами, другая — беременная, третья — старая, обрюзгшая. Первая стоит на спине зубра, поднятый хвост и наклоненная голова которого показывают, что он изображен в возбуждении гона. Не отображает ли этот рельеф ритм жизни и не подчеркивает ли он, что для кроманьонца жизнь эта была не случайностью, но божественным даром, семенем Божиим, которой надо правильно распорядиться, дабы обрести вечность? А может быть это первое из долгого ряда изображений Великой Богини в трех ее образах — невинной девушки, матери и старухи-смерти, изображений — столь характерных для позднейшего человечества? Смерть, уведение от жизни в этом случае оказывается не полным исчезновением, но только этапом бытия, за которым следует новое зачатие божественным семенем, новое рождение.

¹М. Элиаде. Священное и мирское. М., 1994. С. 20—21 (с исправлением ошибок, допущенных при переводе).

полным исчезновением, но только этапом бытия, за которым следует новое зачатие божественным семенем, новое рождение.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Число памятников, свидетельствующих о тесной жизни рода, возрастает в верхнепалеолитическое время. Люди имели родовые святилища и родовые погребения. Одно такое погребение-склеп найдено было в Предмостье (Predmost, Моравия). Здесь на протяжении более чем столетия в одну могилу клали умерших членов рода — и взрослых, и детей. Все это ясно свидетельствует в пользу крепких семейно-родовых устоев в верхнем палеолите.

В том же Предмостье недалеко от склепа на стоянке ориньякских охотников были найдены кости от человеческого скелета с насечками от снятия плоти каким-то каменным орудием. Череп вместе с костями обнаружен не был. К. Абсолон, сделавший эту находку, предположил факт людоедства, заметив, что голова жертвы возможно была использована в ритуальных целях. Видимо, заботливо предавая земле соплеменников, предположил ученый, люди из Предмостья ловили случайных чужаков и убивали их.

Наличие большого числа костей многообразных животных на стоянке показывает, что обитатели Предмостья вряд ли пошли на людоедство, побуждаемые голодом. Если догадка К. Абсолона верна, то их каннибализм имел ритуальный характер и он может свидетельствовать в пользу существования каких-то магических обрядов, сходных с традициями современных людоедов. Но Дж. Марингер достаточно убедительно ставит под сомнение характеристику этой находки как следов каннибальского пиршества. Напоминает эта находка и погребальные традиции исседонов, о которых, со слов Геродота, рассказывалось в предыдущей лекции.

Очень может быть, что люди древнего каменного века были лучше, чем мы о них думаем, втайне желая оправдать нашу собственную жестокость и нравственное несовершенство.

¹ *J. Maringer. The Gods of Prehistoric Man... P. 57.*